

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

[ДОБАВИТЬ В ИЗВРАННОЕ](#)



вполне адекватная сумма, но в переводе на наши деньги получается дороговато, особенно с учётом транспортных издержек. Такие изменения сложно предсказать.

— На мировом музыкальном рынке, где теперь доминируют цифровые продажи, скромный сегмент винила показывает уверенный рост который год подряд. Эту тенденцию связывают с модой на ретро или, например, тоской по материальным формам культуры. Каковы ваши версии?

— В целом я согласен с перечисленными. Пластинка — то, что можно подержать в руках, в отличие от цифрового релиза, который существует лишь виртуально. Пластинку можно сделать эстетически привлекательной, отпечатав на цветном виниле или поработав с дизайном конверта. Так появляется эксклюзивная вещь, которую хочется приобрести и добавить в коллекцию. Это маркетинг.

— Винил обладает рядом преимуществ перед цифровыми форматами, в частности более глубоким звучанием...

— Всё не так однозначно. Пластинка и компакт-диск в любом случае будут звучать по-разному из-за разных технологий записи и воспроизведения звука. И в том, и в другом случае качество может быть очень высоким, в то время как даже хорошо записанная виниловая пластинка, поставленная на дешёвый проигрыватель, разочарует и будет звучать хуже, чем CD.

Споры о том, какой из двух форматов лучше, не утихают с тех пор, как появились CD. Как бы то ни было, сегодня компакт-диск проваливается на рынок. Он уступает по удобству другим цифровым форматам, FLAC или MP3, и проигрывает винилу в возможностях дизайна.

— Как бы то ни было, сложно сделать привлекательным, например, прослушивание аудиокассет. Чем в таком случае можно объяснить возникновение кассетных лейблов?

— Это очень нишевая история. На кассетах выпускают в основном «гараж» или экспериментальную музыку. В этом случае намеренно низкое качество звука вполне уместно. Речь идёт об особой эстетике, пусть и не массовой.

— Помимо работы в Spin вы занимаетесь музыкальными обзорами для газеты «Звезда», а недавно выступали с открытой лекцией в клубе «Дом культуры». Что мотивирует вас участвовать в таких проектах?

— В первую очередь мне самому интересно. Я и прежде писал музыкальные обзоры, хотя никогда не делал этого про-

фессионально. Но когда «Звезда» предложила мне вести рубрику, я согласился. К тому же это приносит кое-какие деньги.

Что касается встречи в «Доме культуры», мы организовали её вместе с Артуром Лаутом, прежде работавшим со мной на радиостанции Махитим. Мероприятие прошло в «Цикле необъяснимых лекций», которые мы ведём уже три года. Это проект из категории просветительских — таких, на наш взгляд, сегодня не хватает.

На той встрече мы говорили о последнем альбоме Oneohtrix Point Never — Garden of Delete. Запись сложная, замешанная на современной философии, так что в ней интересно копаться. К сожалению, публика вела себя не очень активно. Хотелось бы в дальнейшем устраивать более оживлённые обсуждения.

— В своём обзоре альбомов 2015 года вы заметили: «Поп-музыка утратила большое культурное значение и перешла в разряд простого саунд-дизайна среды обитания». Что лично вы чувствуете по поводу этих изменений?

— Они закономерны. В прошлом музыка была главным проявлением поп-культуры, собирала вокруг себя людей. За новыми пластинками охотились, а затем горячо их обсуждали. Теперь так же горячо обсуждают гаджеты или сериалы. Это объективный культурный и социальный процесс, обусловленный техническим прогрессом, результат перепроизводства и повсеместной доступности. Музыку стало гораздо проще делать и гораздо проще распространять и хранить. Всё это её обесценивает.

— Что, на ваш взгляд, произойдёт с поп-музыкой дальше?

— Не знаю, сложно предугадать. Как бы то ни было, ждать откровений от мейнстрима не стоит. Сегодня многие музыканты лишь следуют уже существующим стилям.

Возможно, что-то происходит в поджанрах. Революционные вещи нередко выходят из андеграунда, так что иной вектор развития может задать какой-нибудь блэк-метал или экспериментальная электроника.

— Обсуждаете ли вы новую музыку с своими детьми, рекомендуете ли что-то друг другу?

— Конечно. Моя дочь учится в Питере, но мы постоянно общаемся и обменываемся музыкой. Она рассказывает о молодых группах: «Буэрак», «Электрофорез», Shortparis. Я советую что-то из пластинок, которые нравятся мне, будь то Агса или Current 93. У нас такой взаимовыгодный культурный обмен.

Леденящая непостижимость и непошлая эклектика

Must hear: обзор музыкальных новинок от Павла Катаева

David Bowie — Blackstar

Последний прижизненный альбом Дэвида Боуи — особенный по определению.

Музыкант боролся с раком полтора года и скончался спустя два дня после релиза. Однако, слушая Blackstar, мир с восхищением обнруживал, что «памятник нерукотворный» ещё и отчаянно красив.

Джазовый ансамбль, который Боуи впервые встретил в Нью-Йорке, недалеко от своей квартиры, играет совсем не джаз. Это ясная, отточенная поп-музыка, в которой инструментальный авангард выражает нечто тонкое, трепетное, болезненное.

Впрочем, здесь смерть сочетается с искусством, сексом, модой — так, как может быть лишь у Боуи. И леденящая непостижимость будоражит, когда в Lazarus он поёт: «Look up here, I'm in heaven».

Tindersticks — The Waiting Room

Небольшой зал, приглушенный свет, дубовый стол, хороший виски — в такой обстановке мужчины могут говорить по душам. В такой же обстановке стоит слушать новый альбом Tindersticks.

Британская группа снова помещает лирические излияния повзрослевшего романика в окружение смягчённых барабанов, неглупого баса, сдержанных электрогитар, всегда готовых уступить место тусклым синтезаторам. Духовая секция и аккордеон придают акустическое благородство этой нетривиальной аранжировке.

Чтобы создать в The Waiting Room подходящую обстановку для чувствительного разговора, музыкантам понадобилось четыре года. Очевидно, торопиться не стоит, если хочешь изъясняться на языке непошлой эклектики.



Owsey — To The Child Drifting Out At Sea

Оуэн Фергюсон, живущий в Северной Ирландии, занимается музыкой не первый год. Выкладывает композиции в Сеть и, как теперь часто бывает, ничего с этого не имеет. Но вот Owsey записывает полноценный альбом, в котором ни много ни мало 18 треков, и запускает краудфандинговую кампанию. Как застенчиво объясняет Оуэн, деньги нужны ему для того, чтобы просто обновить техническую базу и выйти на новый уровень.

Справедливости ради нужно сказать, что его работы этого заслуживают. В плотных облаках эмбиента витаются линии негромких битов, обрывки текста, призраки живых гитар и фортепиано. Названия композиций — будто строчки из Вордсвортса.

Запомнится ли такая музыка? Едва ли. Может ли она наскучить? Вполне. Но да послужит для неё лучшим оправданием явно ощущимая светлая энергия.

